

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ЛЕЙТЕНАНТ
С ОДНОЙ ЖИЗНЬЮ**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Лейтенант с одной жизнью

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Лейтенант с одной жизнью / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2017 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-96243-3

Лейтенант Валентин Стеклов в Афганистане недавно. Только принял взвод, и сразу же – первое боевое задание: обезвредить банду бесчинствующих в районе душманов. Вот где настоящая школа для молодого офицера: труднопроходимые горные тропы, коварные засады врага, первая кровь... Хорошо, что солдаты во взводе опытные, отлично знают свое дело. Захватили вражеский схрон с боеприпасами, а заодно и несколько бандитов. Кажется, лейтенанту будет о чем докладывать по возвращении, но в первую же ночь кто-то убил всех пленников. Что это: разгильдяйство часовых или предательство? Стеклову предстоит найти ответ на непростой вопрос, и все это в полевых условиях, под беспощадными пулями озверевших моджахедов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96243-3

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Зверев

Лейтенант с одной жизнью

Глава 1

За секунду до смерти

Вцепившись пальцами в острый угол камня, Валентин изо всех сил старался вжаться в стену, сплюснуться с ней, боясь хоть на сантиметр оступиться и сорваться со скалы в пропасть. Каменный выступ, по которому он сейчас передвигался боком, становился все уже и уже, а рюкзак с автоматом, висевшие у него на спине, – тяжелее и тяжелее.

– Товарищ лейтенант, идите, не стойте!

Раздраженный голос младшего сержанта, уже несколько часов «подталкивающий» Стеклова двигаться по краю скалы быстрее, нервировал, выводил из себя. Но Валентин не мог сейчас приказать этому надоедливому парню, чтобы тот замолчал. Он не имел на это никакого права, так как был никем в этой группе.

– Сейчас, сейчас, сержант, – тяжело дыша, прошептал лейтенант и на несколько сантиметров продвинул вперед правую ногу, потом – ладонь, ища пальцами хоть какой-то новый выступ, за который можно ухватиться пальцами.

Да, спускаться с отвесной скальной стены ему еще ни разу не приходилось в принципе, как и лазать по горам. Оказывается, это невыносимо тяжело и опасно. И все, кто сейчас идет рядом с ним, понимал лейтенант, находятся в таком же, как он, беспомощном положении. Они надеются только на везение, на свои физические силы и самоконтроль каждого своего движения. Здесь, на спуске, даже опасно поддерживать друг друга за руку, так как для фиксации тела на стене нет никаких спасительных выступов, углублений, а с собою специального альпинистского снаряжения: веревок, ледорубов, крючьев, кошек и – опыта.

– Товарищ лейтенант! Не вжимайтесь в камень! Вы стоите на широком выступе, – прохрипел младший сержант, идущий за Стекловым, – а мы нет... – В его голосе проскальзывали нотки гнева и даже ненависти.

– Сейчас, сейчас, сержант, – тихо ответил Стеков. – Извините-ка. – И с трудом, царапая нос и кожу лица о камень, в который вжимался правой щекой и подбородком, повернул голову

вправо. Тут же нахлынул новый испуг: тех, кто шел впереди него, уже нет. – Где они? – с дрожью в голосе прошептал он. – Где?

– Сделай два небольших шага вправо. Ну, лейтенант! Стеклов, я тебе говорю! – раздался снизу голос командира группы старшего лейтенанта Ивана Васнецова.

– В-вы м-мне? – дрожащим голосом спросил Стеклов.

– Стекловых здесь больше нет. Ну, лейтенант, уйми тряску, а то сейчас полетишь и нас всех с собой соберешь. Стеклов, что я тебе говорю!..

– Да, да. – Трясаясь всем телом, Валентин сделал еще один небольшой шаг вправо, но вес своего тела на эту ногу не перенес, ожидая следующей подсказки командира.

– Все нормально, лейтенант, ты на широком камне, – с хрипом в голосе проговорил тот. – Еще шаг, ясный день! Ну!

«Да, да, командир. Да, да, командир!» – Повторяя про себя эту фразу, Валентин передвинулся еще на десять-двадцать сантиметров вперед.

– А теперь правой, правой, слышишь, ясный день, рукой чуть ниже нащупай камень! Он ниже, еще ниже, на уровне твоего пояса. Ну! Лейтенант!

– Да, да, извините-ка, – шепнул Стеклов и потихонечку повел ладонью вниз, перебирая пальцами каждую выбоинку на камне, при этом боясь, что потеряет равновесие и полетит в пропасть. И снова замер. – А дальше, дальше, т-товарищ с-старш-ший...

– Посмотри вниз, видишь меня? Да вот же я, под тобой стою!

– Да, д-да-а, вижу, – с трудом глянул вниз Валентин. Заросшее бородой лицо командира группы было где-то в метре от него.

– Ладно, Валя, все нормально, ясный день! Спрыгивай ко мне. Ну!

Стеклов, ища правой ногой хоть какую-то опору, присел и, потеряв равновесие, начал хвататься руками за стену скалы, пытаясь улечься на нее грудью, чтобы сползти вниз. Чья-то рука придавила его в спину, помогая удержаться.

– Все нормально, лейтеха! – сказал ему прямо в ухо Васнецов. – Теперь посторонись, дай солдатам слезть...

Задрав голову вверх, Валентин, увидев перед собой небольшой участок стены, по которому только что спускался, невольно присвистнул, но привычного звука не получилось. Во рту не хватало слюны, отчего и язык стал сухим, каким-то деревянным.

– А что ж ты думал, лейтенант, с горочки на лыжах здесь кататься будем? – усмехнулся командир.

– Извините, – прошептал Стеклов.

– На, пару глотков сделай и передай другим. – Васнецов сунул Стеклову в руки пластмассовую флягу. И буквально через минуту, не дав толком и отдышаться, скомандовал: – Все, бойцы, продолжаем спуск!

Снова ладони Валентина прилипли к стене, как магниты.

– Ёклмн! – заметив остановившегося лейтенанта, выругался Васнецов. – Ты что, одурел, лейтенант, да здесь боком нужно спускаться по камням, а не липнуть к ним! Ну!

– Да, да, сейчас, сейчас, – пытаясь унять дрожь в коленях, торопливо произнес тот.

Несильный, но, как всегда, неожиданный удар в спину идущим сзади младшим сержантом толкнул Валентина вперед. К счастью, промежуток между скальными «лесенками» был небольшой, и торчащее каменное ребро, на которое спрыгнул лейтенант, оказалось широким, ступня на нем легко уместилась. Но, когда переступал по нему с одной ноги на другую, споткнулся и всем телом полетел на стоявшего под ним командира группы. Васнецов, вовремя заметив падающего на него Валентина, с разворота пригвоздил его тело своим локтем к стене.

– Ты мне надоел, ясный день! – Глаза Ивана были налиты кровью.

– С-с-спасибо в-вам, – выдавил из себя задыхающийся лейтенант.

– Как ты мне надоел!

– С-с-пас-си-бо.

– Это последнее предупреждение! Понял, ясный день?! – вдавливая лицо лейтенанта в скалу, прошептал Васнецов.

– Д-да.

– Вперед! Ну!

Валентин тут же подчинился приказу, начал спускаться, прыгая с камня на камень, одной рукой с силой держась то за приклад автомата, то за скалу, а второй махая в такт своего движения, чтобы удержать равновесие. Да, он понимал, что сейчас на него смотрят солдаты, которых завтра он поведет в бой, поэтому о трусости надо забыть.

«Ступеньки» быстро закончились, впереди новый провал, перед которым его ждал старший лейтенант.

Васнецов стоял, развернувшись животом к скале, и, хватаясь руками на уровне своей поясницы за каменные выступы, продолжал спускаться. Валентин, осмотрев выступы скалы, пошел за ним, цепко хватаясь за камни. «Как перед первым прыжком с вышки на парашюте», – почему-то сравнил он спуск со скалы. Они тогда тоже с дрожью в коленях поднимались по ступеням вверх, чувствуя, как она ходила вправо-влево под их тяжестью, и казалось, что вот-вот завалится. Но потом привыкли...

– Прыгайте, товарищ лейтенант! – снова запел свою нудную песню находящийся над ним боец.

Подняв голову, Валентин уперся глазами в нависшую над ним серую подошву ботинка младшего сержанта.

– Справа, чуть ниже тебя, смотри, куст видишь? – услышал он слова командира группы.

– Он подо мною? – переспросил Стеклов.

– Да, справа.

– Ага, в-вжу.

– «Вжу», – с издевкой в голосе передразнил его командир. – Становись, ясный день, на его корневище, не бойся, он на каменном ребре растет.

– Т-точно, – вздохнул с облегчением Стеклов, переставляя на него ногу.

Потихонечку перенося на нее всю тяжесть своего тела, он посмотрел вниз. Скол камня, на котором закрепился кустарник, был широким. Валентин попытался перенести к кустарнику и вторую ногу, но в то же мгновение почувствовал, как подсумок с автоматными магазинами обо что-то зацепился, не давая ему двинуться дальше.

«Ы-ы-ы!» – нервно заревел Валентин, пытаясь поймать хоть какое-то равновесие.

– Лейтенант, не дергайся, посмотри вниз налево, ясный день! – рявкнул Васнецов.

– Что там? – прошептал Стеклов.

– Я там стою. – В голосе старшего лейтенанта снова звучала злость. – Не вдавливайся в камни, лейтенант, это тебе не вата!

– Я за что-то зацепился.

– Ну, что ж, виси, если тебе так нравится, ясный день, а мы пошли дальше.

– Т-товарищ... – вскрикнул Стеклов и, по инерции сделав шаг влево, почувствовал, что подсумок освободился от торчавшего каменного «крючка».

– Фу-у-у! – с облегчением вздохнул он, кинув взгляд на стоявшего внизу Васнецова.

– Ну что, лейтенант, мокрый, ясный день?

– Не понял? – с трудом проглатывая слюну, выдавил Стеклов.

– Сколько тебя ждать?! Пошли дальше... Ну, что там с тобою?!

«Все нормально, все нормально, – повторяя про себя одну и ту же успокаивающую фразу, продолжал медленно спускаться вниз Валентин. – Все нормально, все нормально...»

– Стой, замри! – Приказ Васнецова заставил его вжаться в каменную стену. – Лейтенант, сделай полшага влево! Так, молодец, теперь вправо. Так. А теперь оттолкнись от стены и прыгай вниз.

– Как? – не понял Валентин.

– Расслабься, лейтенант, мы уже спустились, – усмехнулся Васнецов. – Что, мозги у тебя отказали, ясный день? – и похлопал его по плечу.

– Какие мозги? – не понял вопроса Стеклов и, посмотрев себе под ноги, громко ойкнул.

Только теперь он понял, о чем ему говорит Васнецов. Наконец-то закончился этот страшный для него первый в жизни спуск со скалы.

– Опа-а-а, да здесь нас уже ждут! – вдруг прошептал старший лейтенант. – Ложись! Душманская засада!

Вжавшись в камни, лейтенант стянул с плеча автомат и оперся на него рукой, готовый в любой момент кинуться куда прикажет командир.

...Еще пять дней назад Валентин, затаив дыхание, как и все пассажиры самолета, летевшего по маршруту Ташкент – Кабул, смотрел в иллюминатор на склоны Гиндукуша и раскинутые под ним постройки столицы Афганистана. Сидевший рядом с ним офицер шептал про себя одну и ту же фразу: «Хоть бы не сбили, хоть бы не сбили...»

Нет, такого не должно было случиться, никак не должно. Он не для этого летел в Афганистан, а для того, чтобы служить.

И только после того, как колеса самолета коснулись аэродромных плит, сосед Валентина, капитан-десантник, крепко пожав ему ладонь, громко сказал:

– Все, брат, жизнь продолжается!

Когда прилетевшие пассажиры шли к выходу из аэропорта, Стеклов обратил внимание на ряд стоявших на земле продолговатых ящиков, рядом с которыми стояли солдаты и офицеры. На одном из них черной краской было написано: «Ст. л-т Петров».

– Царствие вам, небесное! – незаметно перекрестился старый подполковник, идущий рядом с Валентином.

– Это – гробы? – спросил у него лейтенант.

– Они самые, – кивнул подполковник.

Несколько раз Валентину Стеклову, курсанту военного училища, будучи патрульным по городу, приходилось выезжать в аэропорт для транспортировки в морг прибывшего из Ташкента «груза 200». Он прекрасно знал, что эти люди погибли не на учениях, как гласила в 1980–1983 годах «легенда», а в Афганистане. Несколько лейтенантов-отпускников, прибывших в город на побывку, заходили в свое родное училище к своим бывшим командирам и рассказывали курсантам о том, что происходило там.

И вот теперь, он, лейтенант Стеклов, сам прибыл на смену старшему лейтенанту Александру Текереву, тяжело раненному в руку. Спас его от смерти бронежилет, пуля попала в грудь и, скользнув по броне, прошила локоть, раздробив кость...

– Что спишь, Стеклов?! – окликнул его командир группы. – Слушай внимательно. Старший в вашей тройке – младший сержант Нечипоренко, ты, лейтенант, подчиняешься ему. Понял? Вместе со своим отделением выдвинитесь туда, – махнул рукой Васнецов в сторону подножия скалы, с которой они только что спускались. – И осторожно, ползком, не высовываясь. Метров в пятидесяти отсюда заберетесь наверх. На месте разберетесь, насколько. Кто знает, где они, эти «духи». Нечипоренко, понял? Займешь там оборону. Вся надежда на вас. И смотри, чтобы не напоролся на растяжки и мины. Вперед!

Вжимаясь в камни, Валентин короткими перебежками двигался за младшим сержантом. Через несколько минут Нечипоренко остановился и начал осматриваться по сторонам.

– Товарищ лейтенант, вы это, не обижайтесь на меня.

– Глупости, – прошептал ему в ответ Валентин. – Я сам еще, как видишь, «чайник».

– Ничего, это поправимо, – улыбнулся Нечипоренко. – Мы по этим скалам почти каждый день ходим. Стоп! – поднял он вдруг руку. – Вроде тихо. Давайте за мной, только без криков, – и, ухватившись за камень, полез на скалу.

Валентин – за ним...

Младший сержант с легкостью лез вверх по трещине в скале. Хватаясь за острые выступы камней, лейтенант лез за ним, стараясь не отставать. Каменная глыба, под которой они остановились, напоминала выступ крыши.

Нечипоренко замер и указал Валентину вниз, в сторону ущелья:

– Товарищ лейтенант, осмотритесь, может, что-то или кого-то увидите. Только тихо! – Затем подозвал к себе пулеметчика ефрейтора Каплина: – Боец, встань на колено и упрись всеми конечностями, я встану тебе на плечо и залезу наверх, чтобы осмотреться. Ждите меня и будьте готовыми ко всему!

Стеклов в ответ кивнул головой и, вскинув свой автомат, продолжил осмотр местности.

Нечипоренко встал на плечо Каплина, взобрался наверх и через несколько минут окликнул их:

– Здесь все чисто, позиция для засады еще лучше.

Место действительно было удобным. Расположившись слева, лейтенант осматривал свой левый сектор, где находился со своей группой старший лейтенант Васнецов. Пулеметчик был посередине, младший сержант – справа. Движения в границах его внимания не было. Но это не успокаивало.

Вспомнился рассказ ефрейтора Самид Сайдудулаева, спасшего в бою раненого старшего лейтенанта Текерева. Они шли в середине батальонной колонны на участке, который находился под прикрытием нескольких дозоров, расположившихся на высоте перевала.

Несмотря на это, душманы сумели скрытно пробраться к дороге и открыли из гранатометов и автоматов огонь по механизированной колонне. Реактивная граната, выпущенная из гранатомета, попала в БТР, на котором ехал Текерев. К счастью, им, вместе с экипажем, удалось вовремя покинуть загоревшуюся машину и занять оборону за ней, в камнях. БМП и БТРы, открывшие огонь по противнику, дали возможность группе солдат Текерева перебраться в более защищенное от обзора душман место. Но старший лейтенант неожиданно для всех кинулся к горевшему бронетранспортеру и, забравшись внутрь, долго не появлялся наружу. Он вынырнул оттуда через несколько минут, которые показались бойцам не меньше часа. Пытаясь откашляться, он встал на колени, удерживая в одной руке автомат, в другой – сумку.

Пуля, попавшая в Текерева, буквально кинула его на камни, на которых он безжизненно распластался. Ефрейтор Сайдудулаев тут же бросился к нему и, ухватив старшего лейтенанта за плечи, потащил на себе в укрытие. И это было очень вовремя: в том месте, где минуту назад лежал раненый офицер, раздался взрыв.

– Ничего, бойцы, документы сохранил, – прошептал Текерев, прижимая к груди командирскую сумку.

И только в этот момент Самид Сайдудулаев обратил внимание на правый локоть офицера. Маскхалатная куртка старшего лейтенанта в этом месте стала бордовой от крови. Он сделал потерявшему сознание командиру обезболивающий укол в руку и, наложив на предплечье жгут, остановил кровь.

Бой, к счастью, был недолгим. Старшего лейтенанта погрузили в бронетранспортер и двинулись в сторону Кабула. В бреду Текерев все время повторял одну и ту же фразу: «Держи сумку, держи сумку!»

Бойцы знали, что в ней находились очень важные документы, которые старший лейтенант получил в кишлаке от «своего» человека. Это была карта, нарисованная от руки, с непонятными значками, цифрами и короткими записями.

...Камень, скатывавшийся со скалы, заставил Стеклова вжаться в стену.

– Товарищ лейтенант, – шепнул Нечипоренко, – передвиньтесь на десять метров влево, там есть такой же выступ. Как раз для одного человека.

– Там только что упал камень, значит, душманы над ним находятся, – покачал головой Стеков.

– Это я там был только что, видно, столкнул нечаянно тот камень. Вы здесь у всех на виду, – прошептал в ответ младший сержант, – а там будете находиться под камнем, значит, сверху будете невидимым. Если не хотите, я туда поползу. Увидите их – открывайте огонь.

– Стой, я сам туда поползу, – поднял руку Стеков. – Если что, меня с ефрейтором Каплиным прикроете, – и пополз в то место, куда указал ему только что Нечипоренко.

Прав был младший сержант: это место было более удобным по сравнению с тем, на котором он прятался несколько минут назад. С крышей, каменным ребром, скрывающим его от бокового обзора.

Но вот в чем вопрос: если спускающиеся со скалы душманы окажутся справа, как же он откроет по ним огонь, ведь там находятся Каплин с Нечипоренко? Хотя их отсюда и не видно, но он не должен забывать о том, что пуля может срикошетить от камня. И тут...

...С трудом открыв глаза, Валентин понял, что лежит, упершись лицом в камень. Голова была очень тяжелой, он с трудом, постанывая, попытался ее оторвать от земли, но какая-то сила придавила его.

– Кто твой командир? – услышал он приглушенный голос.

«Я в плену?» – ледяной молнией резанула мысль, и, кусая разбитую губу, Валентин вжался в камень.

– Я спрашивай, кто твой командир дивизий? Молчишь? Сейчас тебя унюю... Я тебя последний раз спрашивай, кто твой ком-мандир дивизий?

– Херова у вас разведка, – выдавил из себя Стеков.

– Кто? – Что-то твердое и холодное уперлось в затылок лейтенанта.

В висках похолодело. «Вот и вся твоя война», – мелькнуло в голове лейтенанта.

– Хотелось жить? – Каждое слово допрашивающего было каким-то холодным, чуть ли не морозным.

Судорога прошла по согнутой левой ноге, и Валентин от невыносимой боли застонал:

– А-а-а!

– Как фамилий твоего комант-тидра? – придавливая чем-то твердым затылок, повторил свой вопрос душман.

– Да пошел ты!.. – выкрикнул Валентин и тут же почувствовал, как что-то острое коснулось его горла!

– Я отрежай тебе голова, если не скажешь!

Сильные толчки крови в висках, разрывая сосуды, стали напоминать колокольный набат. Только эти звуки отдавались болью, ударявшейся в затылок.

– Последний вопрос, лейтенант. Не ответишь... – Валентин понял, что нож, упирающийся своим лезвием ему в горло, сейчас разрежет его сонную артерию...

– Ну, лейтенант, ясный день!

– Да пошел!..

Какая-то сила в этот же момент развернула тело Валентина, и он сквозь солнечные лучи с трудом рассмотрел нависшее над ним лицо душмана. Оно было покрыто черной серой щетиной, глаза – сощуренными, губы – растрескавшимися.

– Живи пока, Валька, ясный день! – прошептал ему в ухо знакомый, с хрипотцой, голос старшего лейтенанта Васнецова.

Глава 2

Конфликт

Валентин с трудом поднялся с кровати, глянул на светящийся циферблат электронных часов, лежавших на тумбочке, и с облегчением вздохнул. Да, у него еще есть время поспать несколько часов, чтобы хоть немножко восстановить свои силы после тех двухсуточных занятий. Готов ли он и сегодня отправиться с взводом Васнецова на новые занятия в экстремальных условиях гор – вопрос глупый. Он служит в армии, а не занимается в какой-то спортивной любительской секции. Здесь царят законы Древней Спарты: полное подчинение и выполнение всех приказов вышестоящего руководства. А времени у него превратиться из желторотого офицера в готового боевого командира взвода почти нет. В любую минуту могут направить на задание...

Все офицеры в кубрике спали. Кто-то храпел, кто-то бредил, крича какие-то невнятные слова...

Перевернув мокрую от пота подушку и потянувшись всем телом, Валентин снова провалился в сон.

...Он с легкостью лез по скале, всматриваясь в горы. Где-то совсем рядом залегли душманы, и он их видел. Они разворачивали в его сторону пушку и целились. Валентин спрятался за камень и, вжимаясь в него, ждал, когда «духи» откроют по его взводу огонь. Раздался выстрел, и волна от взрыва хлопнула его по плечу. Но не сильно, значит, не ранен. Вторая волна сильнее придавила его плечо...

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант...

Стеклов открыл глаза и, увидев, что перед ним стоит дежурный по роте, вскочил с кровати.

– Сколько времени? – спросил он.

– Без двадцати четыре... Вас вызывает начальник штаба батальона.

– Спасибо, Сидоров, – похлопал по плечу младшего сержанта Стеклов. – Опа-а, я же просил поднять меня в пять утра.

– Товарищ лейтенант, вас вызывает начальник батальона... – повторил дежурный.

– А пяти еще нет? Так чего так рано будишь? – не понимая, о чем ему говорит дежурный по роте, переспросил Стеклов.

– Товарищ лейтенант, так вас в батальон вызывают, начальник штаба!

– Стеклов, проснись, ты чего, не понял, зачем тебя будят? – приподнялся с соседней кровати Васнецов. – Бегом вставай!

– А-а-а, понял, понял, – стушевавшись, стал быстро одеваться Валентин.

– Доброе утро, лейтенант! – Сухощавый капитан Владимир Фомин, кивнув ему головой, вышел из-за стола и, пожав руку Стеклову, спросил: – Как вживаешься?

– Прошел первые занятия со старшим лейтенантом Васнецовым, – отрапортовал Стеклов, вытянувшись в струнку. – Сегодня должны провести следующее занятие, тема: захват огневых точек противника в горной местности.

– Нет, на сегодня у тебя другое задание, лейтенант. Со своим взводом будешь сопровождать в соседние кишлаки доставку гуманитарной помощи. Присядь.

Дверь отворилась, и в кабинет быстро вошел незнакомый майор. Подойдя к начальнику штаба и пожав ему руку, он спросил:

– Чей взвод пойдет?

– Текерева, – быстро ответил Фомин и тут же поправился: – То есть Стеклова. Лейтенанта Стеклова, он несколько дней назад прибыл ему на замену. Пока командует взводом прапорщик Жженов Алексей. Сходит с лейтенантом на пару боевых, подучит его.

– Понятно, – пожал руку Стеклову майор и вздохнул: – Текерев толковый парень был. Я – начальник отряда пропаганды и агитации Васильев Сергей Сергеевич. – Достав из сумки сложенные листы бумаги, он развернул их и положил на стол. – Подсаживайся, лейтенант, поближе и слушай. «13–14 июня 1985 года, провинция Кабул, уезд Пагман, – начал читать он. – В 20.30 в кишлак Чавульхейль вошли бандформирования. Ими сожжена местная школа, убиты три афганские семьи, родственники которых являются членами НДПА (Народно-демократической партии Афганистана. – *Авт.*) и служат в Царандое (народная милиция Афганистана. – *Авт.*).

В кишлак Заршау в 20.30 вошло бандформирование. Были избиты дехкане, не отдававшие душманам овец, муку, керосин. Убиты три женщины, члены ДОЖА (Демократической организации женщин Афганистана. – *Авт.*), и учитель...»

– Товарищ майор, – посмотрел Валентин на Васильева, – здесь говорится, что в кишлаке Самочак убит душманами мулла. Не понимаю, они же мусульмане, за что своего-то убивать?

– А я, лейтенант, уже не удивляюсь этому, убийства религиозных служащих здесь в последнее время, к сожалению, обычное явление. Да, Афганистан – это исламская страна, мусульманская вера у этого народа не только в сознании, а в самой крови. За пять лет новой власти стереть ее, веру в Аллаха, из памяти этих людей просто невозможно. Это можно сделать только с нуля, когда при рождении человека ему будут говорить о чем-то другом, только не об Аллахе. А это невозможно. Так вот, Валентин Иванович, – ткнул указательным пальцем в сводки майор, – в горных кишлаках, таких как тот же кишлак Самочак, большая часть жителей неграмотна. Мулла у них самый авторитетный человек, он является учителем и толкователем законов шариата. А ислам – это религия, как я уже говорил, подчиняет себе жизнь мусульманина от его рождения до его смерти. Вот и возникает вопрос: мог ли душман – мусульманин – убить муллу? Или они были не мусульманами?

Мне недавно хадовцы (представители Службы государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан. – *Авт.*) дали несколько «духовских» листовок. Так вот, в одной из них говорится о том, что «исламский комитет» предупреждает людей, что слушать по радиоприемникам передачи из Кабула – великий грех. Впредь это деяние будет наказываться отсечением головы. Так что душманам ничего не стоит убить человека, независимо от того, дехканин это, который не дает им свое продовольствие, или учитель, или мулла.

Если в кишлаке часть людей начинает поддерживать демократию, то это уже грех, который допустил мулла. Именно, мулла! И вот о чем я бы сейчас хотел поговорить с вами. Судя по пришедшим сводкам из всех пятнадцати уездов провинции Кабул, видно, что бандформирования активизировали свои действия в пяти из них: в Баграми, в Дех Сабсе, в Пагмане, в Кабуле и в Шакардаре. В первую очередь это говорит о том, что в их рядах идет пополнение. А значит, они готовятся к какой-то серьезной операции. Поэтому и нам нужно к этому готовиться. Задача вашего взвода – сопровождать колонну с продуктами питания, одеждой...

Глава 3

Кишлак Карез-Ахундай

Пыль, поднимающуюся гусеницами впереди идущих боевых машин пехоты, ветер на дороге не задерживал, сдувал тут же. Валентин, сидевший над механиком-водителем бронетранспортера, осматривал сухую степь, уходящую в далекий горизонт, границы которого размывались маревом от жарящих землю горячих лучей солнца.

На горизонте справа просматривались строения. В знойном мареве трудно было рассмотреть неровные геометрические линии домов, но это были именно они.

Через какое-то время боевые машины приблизились к кишлаку. Абдулла, представитель администрации Баграмского уезда, сидевший рядом с Валентином, подняв под козырек своей шапки ладонь, всматривался вперед.

Идущая первой боевая машина пехоты у широкого арыка остановилась. Саперы, спрыгнув с нее со своими собаками, начали осматривать дорогу. Через полчаса они вернулись к машинам, и их сержант махнул рукой, показывая, что колонна может продолжать движение.

– Вперед! – скомандовал Валентин.

С особым интересом он рассматривал коробки серых домов, закрытых глиняными заборами – дувалами. Дети бежали за машинами, что-то крича солдатам и размахивая руками. Женщины, пряча свои лица в паранджу, стояли у дувалов и с таким же любопытством рассматривали русских солдат, въехавших на бронетехнике в их кишлак.

Боевые машины пехоты разведвзвода остановились по бокам на широком участке улицы, скорее всего, служившем для проведения каких-то общих мероприятий дехкан, молитв.

Десантный взвод, двигавшийся в конце колонны, продвинулся на ту сторону площади и расставил свои БМП в полукруг.

Ефрейтор Самид Сайдудулаев спрыгнул с брони и вместе с Абдуллой и майором Васильевым, старшим агитрейда, направился к двум старикам, стоявшим у дувала. О чем они разговаривали, Валентин узнал позже. Три дня назад, ночью, через кяриз (подземные ходы) в кишлак зашла банда душманов. Это были наемники из Пакистана или Ирана. Взорвали несколько домов, расстреляли муллу и четырех стариков.

Бойцы внимательно рассматривали людей, собиравшихся вокруг грузовых машин, в которых лежали мешки с мукой, крупой, сахаром...

– Валентин! – окликнул Стеклова майор. – Здесь сейчас организуем оказание медицинской помощи, а потом начнем раздавать людям муку, крупу и так далее. Аксакал Файзуллох со своими людьми, – он указал на нескольких афганских мужчин, вооруженных автоматами, – организуют охрану. Рассади их по своим машинам, пусть наблюдают за всем происходящим. Они лучше знают кто душманы, а кто свои. Охраняйте нас.

– Есть! – козырнул майору Валентин и распорядился, чтобы его солдаты помогли афганцам забраться к ним на броню.

Разыгравшийся «афганец», дующий с гор, поднимал пыль в выгоревшей от жары степи и гнал ее в сторону кишлака, проносясь по улицам, поднимая в воздух песок, которым нещадно сек оголенную кожу. Шурясь, Валентин внимательно следил за переводчиком – лейтенантом из агитотряда Дмитрием Шевелевым, державшим в руке список и окликавшим людей, которые тут же выбегали к нему из толпы. В основном это были женщины с детьми. Они подходили к машине и подавали солдатам, стоявшим на кузове «ГАЗ-66», свои мешки, которые те с помощью пластмассовых ковшиков заполняли сахаром, мукой, рисом...

У второй машины людей было также много, и руководил разливом керосина здесь сержант. Люди подавали ему канистры, все громко галдели.

Валентин повернул голову в ту сторону, где женщины-врачи, приехавшие вместе с ними в кишлак, обслуживали больных, и, прыгнув с машины, направился к ним. То, что он увидел, сразу же вызвало тошноту. У юного мальчишки, на вид пятнадцати-шестнадцати лет, не было ноги. На культе под коленом рана гноилась, и молодая врач, вскрыв рубец, обрабатывала его перекисью водорода. А мальчишка не сводил глаз с Валентина и улыбался ему, как будто ему не было больно.

– Герой, – сглотнув слюну, сказал Валентин стоявшему рядом с ним солдату. – Что с ним произошло, не знаешь?

– Мина или пуля оторвала ногу. Таких инвалидов в каждом кишлаке хватает. Душманы все дороги минами обкладывают, вот люди и подрываются на них. Этот бача, может, сам бывший душман.

– Насмотришься еще на все это, – произнес подошедший к Валентину майор. – Часть домов с той стороны кишлака разрушена. Взорвали их зачем-то. Зачем, спрашивается? Тот афганец, что из уездной администрации, говорит, что здесь погибло около тридцати человек. Уездное руководство обратилось к нам, чтобы мы этим людям оказали хоть какую-то помощь.

– Да, да, – кивнул Валентин и вдруг почувствовал, что его кто-то ухватил за мизинец. Он резко отдернул руку и посмотрел вниз.

Это был маленький мальчишка. Его огромные глаза так умоляюще смотрели на Валентина, словно о чем-то прося его, что он безропотно пошел за ним.

– Вы куда? – окликнул его прыгнувший с брони БМП прапорщик Жженов.

– Да вот, пацаненок тащит меня за собой. Видно, что-то там произошло, и нужна моя помощь.

– Эй, стой, стой! – Догнав Валентина, прапорщик зашагал рядом с ними.

Мальчишка пролез в дыру дувала, через которую за ним с трудом пробрались лейтенант, прапорщик и ефрейтор Самид Сайдудулаев. Посередине небольшого двора стоял колодец. Но малец, снова ухватив за палец Стеклова, потащил его за собой в полуразвалившуюся мазанку. В ней было темно, в дальнем углу скулила, скорее всего от боли, собака, которую Валентин с трудом рассмотрел. Мальчик не подпускал его к ней, а стоял и чего-то ждал, видимо, чтобы глаза шурави привыкли к сумраку в доме. И он не ошибся, так и было.

Буквально через минуту бача заново потащил Валентина за собой в сторону прохода в другое помещение ханы (дома). Здесь крыша мазанки была обвалена, глина, лежавшая грудой на полу, частично была кем-то разобрана и раскидана в стороны. Только теперь Валентин разглядел под глиной человеческую босую ногу и, подбежав, стал освобождать тело от нее. Прапорщик с ефрейтором кинулись помогать ему. Это была мертвая женщина. Приподняв ее, прапорщик перевернул тело на спину. Лицо было разбито до неузнаваемости, кровь уже засохла и почернела...

Вдруг где-то рядом пискнуло. Похоже на человеческий голос, детский...

Когда продолжили разбирать развалины, обнаружили ящик, а в нем двух малышей.

– Бачата! – вскрикнул от удивления прапорщик. – Живы, ты смотри! – Его грубый голос резко сменился на мягкий шепот: – Мальчишки, вы живы? У меня двое таких, – вздохнул он, – тоже близняшки. Один другого старше на двадцать семь минут, вот так.

Мальчонка, приведший их сюда, выхватил из рук прапорщика малыша, другой рукой ухватил за пояс второго и потащил обоих из дома во двор.

– Не торопись, лейтенант, – остановил порыв Стеклова Алексей и указал рукой в сторону следующей двери, наполовину заваленной кусками глины: – Это не они кричали, а кто-то там. Пошли, посмотрим.

Пролезть в открытый проем было нелегко.

– Кто здесь? – громко спросил прапорщик. – Эй, люди! Бача!

Теперь Валентин хорошо уловил раздавшийся стон.

– Самид! – окликнул он Сайдудулаева, но тот не подавал голоса. Оглянувшись, Валентин понял, что ефрейтора в помещении не было.

– Видно, пошел за мальцом, – предположил Жженов и глубоко вздохнул. – Ну что, вроде стон идет оттуда, – указал он рукой в сторону левого угла. – Только бы крыша на нас не обвалилась. Давай, лейтенант, и осторожнее будь, – добавил Алексей, протягивая Валентину кусок глины.

Через десять минут им удалось очистить часть помещения. Услышав возглас прапорщика, Валентин тут же кинулся к нему. Но Алексей, расставив руки вширь, не дал пройти вперед его, только громко прошептал:

– Ты чего, лейтеха! – И в ту же секунду его огромное тело стало падать на кирпичи.

Что произошло, Валентин так и не успел понять...

... Через какое-то время он пришел в себя. Ощущение тяжести, больно давившей на грудную клетку, говорило о том, что на него обвалился потолок. Дышать было очень тяжело, тем более пылью, заполнившей помещение.

– О-ой! – услышал он чей-то вскрик. – Давай сюда БТР и пару тросов, попробуем обвязать ими стену и приподнять ее...

С трудом разлепив веки, Валентин увидел склонившихся над ним солдат и Жженова с забинтованной головой.

– С боевым крещением, лейтенант, – прошептал Алексей. – На нас с тобой обвалился потолок, еле успели увернуться. А то бы – хана нам! – Он помог Стеклову подняться и спросил: – Ну как себя чувствуешь, цел?

– Вроде да, – напрягая мышцы то в руках, то в ногах, тихо ответил лейтенант.

– Ну и прекрасно!

Глава 4

Беспокойная ночь

Блокпост напоминал крепость и изнутри был достаточно просторным, чего не казалось со стороны. Высокий глиняный забор с амбразурами. По бокам – две спаренные зенитки, с другой стороны выглядывают пушки боевых машин пехоты. В длинном одноэтажном строении, сделанном из глины, расположились казарма, столовая, оружейная.

В середине двора стоял очень глубокий колодец, к которому были прикреплены два больших бака, литров на триста, их, видимо, использовали для умывания и принятия душа.

Напившись теплой воды из алюминиевого бака, спрятанного в тени, Валентин зашел в столовую и, немного постояв, пока глаза не привыкли к сумраку, прошел дальше, в небольшую комнатку, где расположились офицеры.

В помещении стоял сизый дым от сигарет. Тускло горели толстые свечи, освещая спины мужчин, сидевших за столом.

– Да нет, все было по-другому... – говорил старший лейтенант, взвод которого должен был смениться и уехать с блокпоста в часть. – Мы на высотке остались, ночь через час, спуститься бы все равно не успели, – рассказывал он. – Я расставил ребят на часы, а прикорнуть даже на пять-десять минут не мог. Не знаю, трясло что-то внутри и снаружи, и все. Никак не мог понять почему, ведь шесть месяцев уже служил... Бойцы молчат, а у меня на душе неспокойно. Т-такое чувство, что все мы на прицеле. А ведь не ошибся. Если бы кто-то из окружавших нас душман не столкнул камень, нас бы там и положили за пять секунд, всех! Мой сержант первым заметил «духа» и дал по нему короткой очередью. Убил ли его, не знаю. А потом – все! Не знаю, сколько времени после этого прош-ш-шло, может, минута, может, две. Мне показалось, что вечность! И началось. У Пашкова голову разнесло, у Синегова – плечо. Били из «ДШК» по нам сверху. Мы как на блюдечке у них были. А я живой осс-та-астался. – Пальцы старшего лейтенанта вцепились в темно-зеленую кружку, и он с размаху стукнул ею по столу. – Один я остался, представляешь?!

– У тебя ведь трое были ранеными, – вставил свое слово прапорщик.

– С «ДШК»? Раненые? – Старший лейтенант со злостью посмотрел на прапорщика. – Пуля руки отрывала у них, ноги, ребра вместе с костями и сердцем. Раненые, г-г-говаришь? – Он вскочил, метнулся было к Жженову, но тут же как-то скукожился и стал оседать на стул.

Стеклов и Жженов, поддерживая его за плечи, повели офицера в соседнюю комнатку и положили на кровать.

– Удивительный человек, – ухмыльнулся прапорщик. – Ладно, пойдем, Валя, перекусим, и спать.

– А о чем он вам рассказывал? – поинтересовался Валентин.

– Он? А о группе своей. Четырех человек в течение минуты под Кундузом потерял. Когда его тащили вниз, он был уже седым, как белый лист. Теперь так и зовут его все между собой, Белый, а фамилия у парня, э-э-э, сейчас, как его...

– Чернов, – напомнил Валентин.

– Вот, а я о чем. Белый, а сам черный. То есть, ну, ты понял...

В комнатке было душно. Валентин, раздевшись, лег на кровать, которая под ним тут же протяжно заскрипела. Прикрыв глаза, он глубоко вздохнул и, ерзая всем телом, повернулся на бок, посчитав, что так лежать намного удобнее, чем на спине...

...Что-то защеботало на шее. К счастью, это был мотылек или ночная бабочка. Отпустил, растер пальцами оставшуюся на их коже пыльцу. А бабочка не унималась, села ему

на правую руку и, щекоча лапками и бьющимися крыльшиками о кожу, побежала в сторону ладони.

Стряхнув ее с себя, Валентин улыбнулся.

– Пах, пах! – кричал ему Витька Блохин, спрятавшийся в кустарнике сирени.

– А я – робот! – кричал в ответ Валька. – Мне нужно в одно место сто раз попасть, тогда убьешь!

Витька тут же подбежал к нему со спины и, сильно надавив своей палкой-винтовкой в его плечо, выкрикнул:

– Та-та-та-та-та! Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант. «Духи», «духи».

«Какие еще «духи»? – подумал Валентин, никак не желая расставаться со своим лучшим другом детства Витькой, и открыл глаза.

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! – дергал его за плечо прапорщик. – Стеклов, подъем! Душманы нас окружают.

Сон тут же пропал, и Валентин мгновенно выскочил во двор.

Было очень темно. Лишь звезды рассыпались своим серебряным и золотистым песком по небесному потолку. Люди, брэнча оружием, затворами автоматов, с громким топотом носились по двору, постоянно задевая Валентина.

Бу-бу-бу-бу – заработали слева и справа зенитки, им тут же начали вторить короткие очереди автоматов.

Стеклов, нащупав ступеньки, поднялся на крышу дома, пролез к свободной амбразуре и стал всматриваться в темноту, в которой исчезали короткие и длинные змейки трассирующих пуль. Ничего, кроме ночи и трассеров, не было видно. Через некоторое время унялись и автоматы бойцов блокпоста, и все успокоилось. Тишина.

Толкнув лежавшего справа солдата, Валентин спросил:

– Боец, что там было?

– Так я и сам не знаю, что было, товарищ лейтенант. Все побежали, и я. Зенитка как начала долбить в ту сторону...

Что-то затрещало впереди, и с земли в звездное небо взлетела ракетница, за ней – вторая, третья. И в ту же секунду затрещали автоматные очереди, посылая в поле новые полосы трассирующих пуль. А им в ответ заработали и зенитки: бу-бу-бу-бу.

– Прекратить огонь! – Валентин по голосу узнал того самого старшего лейтенанта, который рассказывал о своих погибших солдатах на какой-то высотке Кундуза. – Похоже, это был тушканчик, может, лиса или собака.

Валентин молчал, вдыхая в себя запах сгоревшего пороха и положив свой подбородок на ребро приклада автомата. Вдруг он почувствовал, как чья-то холодная ладонь уперлась ему в затылок, и, обернувшись, увидел старшего лейтенанта.

Поздоровавшись, тот присел рядом:

– Вот так каждую ночь по несколько раз все срабатывает. Но по-другому нельзя, это ведь могут быть и «духи». Восемнадцатый блокпост неделю назад обстреляли из миномета. К счастью, все мины легли перед их стенами. Никто не пострадал. Никто! Но в прошлом году «духи» вырезали почти весь отряд на афганском блокпосту. А мы, лейтенант, здесь тоже не в степи никому не нужной сидим. Здесь – пересечение дорог...

И снова сработала серия сигнальных мин, теперь чуть правее, метрах в ста от их крепости.

И снова все ожило!

Горячие пустые гильзы падали на руку и на голову Валентина. Отмахиваясь от них, он молча следил за происходящим, ожидая, что сейчас всполохнется ответным огнем и та сторона степи. Но через некоторое время все снова успокоилось, и, поняв, что оставаться ему здесь больше незачем, он, крадучись, нащупывая ногой ступеньки, стал спускаться...

Глава 5

Бакшиш

– Мы сейчас для «духов» лучшая мишень, – сказал кто-то из солдат.

И как он был в этом прав. На броне бронетранспортеров, боевых машин пехоты, БРДМ и «ГАЗ-66» оставался весь личный состав, который душманы, если они находятся здесь где-то рядом, могут расстрелять без промедления.

И виной этому мины, обнаруженные саперами на дороге и по ее бокам.

– А в прошлом году, товарищ лейтенант, на Пули-Хумри наши ребята попали в такую же историю. – Из-под брони показалась голова механика-водителя Саши Лукьянцева. – Обстреляли, несколько человек погибли, много было раненых, а потом, как оказалось, на обочине дороги мин не было.

– Ха, так тогда колонна в горах была, а не на равнине, как здесь, где все можно осмотреть на большом расстоянии, – громко прошептал пулеметчик Каплин. – Саня, если ты уж такой храбрый, то слезай с брони.

– Не-ет! – широко улыбнулся механик-водитель. – А вдруг там действительно мина?

– А я о чем... – сплюнул ефрейтор Каплин.

Валентин, слушая солдат, всматривался в сторону первой машины колонны – БМП, на которой сидели солдаты со вскинутыми автоматами. Саперы, расположившиеся в метрах десяти-двадцати от них, замерли на одном месте, ковыряясь в земле. Собака, немецкая овчарка, сидела рядом с ними.

«Значит, дело серьезное», – подумал Стеклов.

– Ой-ой! А ты вспомни, когда мы выходили из Кундуза, саперы шли на танке, четыре раза подряд подрывались, – присоединился к разговору ефрейтор Сайдудулаев. – Товарищ лейтенант, тогда уже был вечер, наша дивизия выходила из ущелья, а «духи» обложили минами всю дорогу. У саперов, которые шли впереди, подрыв за подрывом, и мины не какие-то там одиночные, а соединенные между собой по несколько штук...

– Да не ври! – перебил его Лукьянцев. – Это не там было, а в ущелье Дех Сабса, не путай. Там мины были расположены полукругом, по четыре-пять, и соединялись проводом. Одна взрывается, а за ней сразу все другие. Никто из тех, кто сидел на броне, после такого взрыва живым бы не остался. Спасибо саперам.

– Э-э, зелень, хватит! – взорвался сидевший сзади Жженов. – Нашли о чем говорить. Смотрите лучше по сторонам, а то «духи» под ваши сказочки нас точно здесь всех угрохают, раз и навсегда. Каплин! Что оперся на пулемет, это тебе что, подушка?

Ефрейтор тут же опустил ствол пулемета и, передернув затвор, стал всматриваться в степь.

– Две противопехотные мины обезвредили, – высунулся из люка механик-водитель. – И представляете, товарищ лейтенант, к ним подсоединены провода и тянутся в разные стороны. Вот такие вот пироги нам «духи» испекли. Так что, мужики, не бренчать, а смотреть внимательнее по сторонам. Скорее всего, здесь у «духов» поблизости есть засада, а минное поле может управляться ими дистанционно.

– Засада? – сухо кашлянул Сайдудулаев.

– А что ты думал, ефрейтор? Если есть провод, то он к чему-то подсоединен, так, Каплин?

Пытаясь унять дрожь в руках, Валентин потянулся к фляге и, сделав несколько глотков воды, прокашлявшись, спросил у Жженова:

– Может, нам назад сдать, и пойдем по той дороге, по которой ушел из кишлака сопровождавший нас взвод блокпоста? Они ушли спокойно, значит, на той дороге мин не установлено.

Прапорщик посмотрел на Валентина и, стерев капли пота со своего лица, проговорил:

– Так, Валя, та дорога идет в Кабул.

– И что? – спросил Стеклов.

– А нам нужно вернуться на блокпост. Он находится в другой стороне от Кабула – это раз, а два – саперам виднее. Хотя, – задумался прапорщик, – мысль неплохая. Сейчас... – он быстро надавил на мембрану ларингофона: – Товарищ майор, это Жженов. А может, сдадим назад и пойдем через поле напрямую?

В наушниках что-то сильно затрещало, а потом густой баритон ответил Ивану:

– А не пошел бы ты... учитель!

– Ясно, – улыбнулся покрасневший прапорщик. – По-другому говорить, значит, не можем! Нервные мы!

– Еще три патрона с «ДШК» обнаружены, – трещал шлемофон. – Может, около тебя бомба, не думал?

– Так я ж говорю, сдать задом, ну, в смысле, машинами, колонной, – поправляя на голове шлемофон, крикнул в мембрану микрофона Жженов.

– А «духи» только этого и ждут, – шумели наушники. – Где-то около нас мощный заряд заложен. И, похоже, что «духи» не управляют им дистанционно, а мины соединены между собой только проводом. Понятно? Все, не мешай! – И треск в шлемофоне прекратился.

Покусывая нижнюю губу, Стеклов осмотрелся по сторонам.

«Неужели все так быстро и закончится?» – следя за застывшим у второй машины сапером, подумал он.

Костя повел ствол своего пулемета в сторону сапера, потом, так же размеренно, вправо от него. Стеклов проводил глазами прицел пулемета и невольно вздрогнул, только сейчас заметив, что метрах в ста от них, на фоне серо-желтого ковра скошенной травы, видно пятно. Посмотрел на него через бинокль, это – бугорок, шириной с полметра и в высоту сантиметров тридцать. На нем, сложив верхние лапки и потряхивая ими, сидит какой-то зверек и посматривает на колонну бронетехники.

– Это, наверное, суслик? – невольно вслух прошептал Валентин.

– Не знаю. Может, кролик, у него уши, как у зайца, – сказал Костя Каплин, – пригляди-тесь.

– Живой?

– Да, товарищ лейтенант. Я за ним уже несколько минут наблюдаю. Их там несколько, видно, там вход в их норку.

– Только бы не окоп!

– Не знаю, – пожал плечами Каплин.

Сапер работал уже рядом с их машиной, что давало возможность Стеклову следить за его действиями.

Шнур, который он медленно вытаскивал из земли, был хорошо виден. Сапер двигался за ним на коленях, тыкая в землю щупом, под углом двадцать-тридцать градусов. Земля, которую он убирал ладонями, освобождая провод, легко поддавалась ему, значит, была рыхлой. Выбирая пальцами ямку, он уперся на локоть и свободной правой рукой приподнял на пальцах большой патрон с пулей.

– Снова от «ДШК», – сказал он и медленно положил его назад.

– А зачем они эти патроны зарыли? – громко спросил Стеклов у сапера.

– Ну, может, чтобы при взрыве больше осколков было, тогда можно больше живой силы поранить, – ответил Валентину Жженов. – А может, еще и мины где-то здесь врыты. Вот такой бакшиш нам душманы в отместку за агитрейд в кишлак устроили.

Минут через двадцать по линии продвижения сапера по обочине дороги на поверхности земли лежало уже пять патронов «ДШК», соединенных между собой проводом.

С левой обочины дороги были такие же находки, только между ними расстояние было в два раза больше, чем между минами-патронами справа. Собака, двигавшаяся ползком за своим хозяином, иногда поскуливала, не обращая внимания на людей, сидевших на бронетехнике.

– У меня все, – поднял руку сапер, идущий слева, – одни патроны.

– Что с ними будем делать? – из любопытства спросил Стеклов.

– Лучше, конечно, подорвать.

– Опа! А у меня целый снаряд, – громко сказал сапер, идущий справа. – Нет, это мина минометная. Бойцы, спрячьтесь в броне, а то мало ли что. Сев на колени, он стал выбирать руками рыхлую землю.

Валентин, высунувшись из-за люка, наблюдал за действиями сапера. Мина, которую вытащил из-под земли боец, была немаленькой, сантиметров сорок в длину и калибра около ста двадцати миллиметров. Она была соединена проводом только с одной стороны.

– Похоже, все, – сказал сапер, вытирая пот с лица.

И только сейчас у Валентина появилась возможность рассмотреть лицо этого солдата: худощавое, с острым носом и светлыми глазами на фоне темной кожи лица.

Саперы стащили заряды к передней БМП, с мин сняли взрыватели и положили их под патроны с проводами. Сверху обложили их несколькими толовыми пашками. Было решено взорвать их, когда колонна отойдет с этого места на полкилометра.

Головная БМП начала движение. Когда дернулся БТР и начал догонять боевую машину разведчиков, Валентин невольно посмотрел на бугорок, что был справа от них. Показалось, тот стал больше. Вдруг что-то блеснуло, и, толкнув пулеметчика в плечо, он вскрикнул:

– Душман!

В ту же секунду все, кто сидел на БТРе, навели стволы в ту сторону.

– Нет там ничего, товарищ лейтенант, это вам с испугу показалось, ха-ха-ха! – рассмеялся Жженов.

Валентин растерянно посмотрел на него и тут же резко отвернулся.

И в эту же секунду за спиной раздался громкий щелчок по железу.

Принятое решение командиром разведзвода Жженовым не вступать в бой, а уйти от него, дал возможность сохранить жизни личного состава. Это Валентин понимал прекрасно, только не мог понять другого: та пуля, попавшая в броню его бронетранспортера, была единственной или нет?

Ее щелчок Стеклов хорошо расслышал. Он тут же передал об этом радисту, тот – всей колонне. А может, это была вовсе и не пуля, а удар кем-то из бойцов тем же прикладом или стволом автомата о броню? Только уж больно сильный.

Когда вошли в месторасположение блокпоста, Валентин в десятый раз проверил свой личный состав: все были на месте. Он поблагодарил солдат за работу в кишлаке, за выдержку во время разминирования дороги и приказал всем умыться, поужинать и лечь спать. До подъема и выхода в следующий кишлак осталось всего девять часов.

Глава 6

Первый бой

В казарме царил тишина. Дневальный, облокотившись спиной о стену, дремал. Скрип входной двери разбудил его, и он, вытянувшись перед Стекловым, громким шепотом доложил, что в роте все спокойно, оружие после выхода в рейд сдано, солдаты и сержантский состав отдыхают.

В командирском кубрике никто не спал, было сильно накурено и очень душно. Открыв окно, Валентин присел за стол рядом с прапорщиком Жженовым.

Отложив в сторону «лифчик» для автоматных магазинов и гранат и воткнув в него иголку, которой подшивал оторвавшийся ремешок, широко улыбнулся и громко сказал:

– Мужики, чего вы меня под танк кидаете, а?

– Не понял, – встал из-за стола Валентин, – о чем будет разговор?

– А о том, что нужно станцевать. – Иван вытащил из офицерской сумки, подвешенной на стуле, два конверта, поднял их вверх: – Лейтенант, от вашей единственной и любимой пришли аж два письма.

– Да вы что? – вскрикнул Стеклов и тут же, забыв о своей усталости, прошелся по комнате, выделявая коленцами кренделя.

В первом, самом плотном, конверте, кроме письма, была вложена фотография Светланки с малышкой Кристинкой. Фотография тут же пошла по рукам, а Валентин, читая письмо, написанное красивым женским почерком, все никак не мог унять клокочущую в груди радость.

Несколько раз пробежал исписанные на двойном листке в клеточку ровные строчки и только тогда отрывчато стал понимать, что дома все нормально. У Кристинки зубик прорезался, и она все время почему-то ночью хныкала. Уже думали, что у Валентина что-то произошло, очень переживали. А еще вчера показали по телевизору солдат в Афганистане, которые захватили много вражеских складов с минами, оружием. Отец не выдержал и напился, а мама пила корвалол, у нее болело сердце.

Стерев покотившуюся по лицу слезу, Валентин открыл второй конверт, в котором жена рассказывала о дочке, о том, как они с ней гуляли по парку, на территории которого находился военный санаторий, и было много молодых парней на костылях.

«Люди говорили, что они воевали в Афганистане, а мне так хотелось подойти к ним и расспросить, не видели ли они там тебя. Я прекрасно понимала, что ты с ними не мог там увидеться, ты только уехал в Афганистан, а они получили ранения и попали в госпитали много месяцев назад, а теперь проходят реабилитацию в военном санатории. Теперь я поняла, когда вы были на прыжках с парашютом и ты после них приходил ко мне на работу, почему многие из жен офицеров подходили к тебе и спрашивали про своих мужей, как они приземлились, раскрылись ли у них парашюты...»

Жженов вернул Валентину фотографию. Вытерев набевшую слезу, тот продолжил читать ставшие неразборчивыми строки:

«...Подошел ко мне солдат и спросил, почему я плачу. А я ему сказала, что мой муж воюет в Афганистане. А он, спросив твое имя, начал мне врать, что у тебя все там хорошо, ты – классный офицер. Но я видела, что погоны у него черные, а не синие, как у тебя, и он не десантник, а танкист. У него не было ноги...»

– Да-а, – громко вздохнул Стеклов, пряча письмо вместе с конвертом в боковой карман. – Я сейчас.

Вырвав из тетради лист, он достал из кармана ручку и начал писать:

«Добрый день, мои милые!

Светланка, ты зря переживаешь, я сижу в глубоком тылу и даже не знаю, что такое война. Я работаю в штабе армии...»

– Товарищ лейтенант, тревога! Тревога!..

Стеклов, вскочив с кровати, несколько секунд смотрел на дневального, стоявшего перед ним, и, наконец, осознав, что произошло, сказал ему:

– Что стоишь? Поднимай всех!

– Так уже все, товарищ лейтенант, подняты! Вот вы только...

– Ёклмн! – в негодовании вскрикнул Стеклов, натягивая на себя форму, ботинки, выскочил в коридор казармы и побежал к оружейной комнате.

...Горячий ночной воздух, смешанный с выхлопными газами от боевых машин, идущих впереди, быстро привел его в чувство. БМП, на которой он расположился, шла быстро и ровно, не отставая от машины, идущей метрах в двадцати от них. Валентин всматривался в темень, в мерцающие огни идущей впереди колонны боевой техники их батальона. Куда они идут? Жженов, сидевший рядом с ним, коротко сказал, что в ущелье Дех Сабса передвигается большой отряд душманов, который в ночной стычке уничтожил несколько подразделений царандоя.

– Значит, будет бой? – задумчиво проговорил Стеклов.

– Если успеем их придавить, то да, – кивнул головой Алексей.

Все внимание Валентина было приковано к скалам Гиндукуша, упирающимся своими хребтами в границы Кабула. Дорога, бегущая у подножия гор, хорошо просматривалась с вершин, и душманам сейчас можно без особого труда обстрелять ее из минометов, гранатометов и пулеметов. Поэтому он внимательно всматривался в каждый косогор, в огромные каменные глыбы, за которыми могут находиться засады душманов, и в какой уже раз подсознательно прорабатывал ситуации, которые могут возникнуть в любую секунду их движения. Если огонь по ним откроют с гор, то его личный состав должен прыгнуть с БМП в обратную сторону от огня, чтобы укрыться от пуль и осколков.

Гул движения колонны увеличился. Причиной этому стал перевал, который они сейчас преодолевали. Это – ворота через Гиндукуш в долины Дех Сабса. Поеживаясь от холода, неизвестно откуда появившегося здесь, Валентин до боли сжимал в ладонях автомат, всматриваясь в каменные выступы, редкие деревья и кустарники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.